

Рок-газета ЭНСК: Новосибирск. — 1993. — № 1. — С. 6 — 7.

Вику Врადий мы знаем уже более двух лет — с тех пор, как на сцене незабвенной первой ЧЕРВОНОЙ РУТЫ появилась никому не известная Пеппи Длинныйчолок и прокричала: «Ганьба!» Она рассказывает, что полученный Гран-при был для нее полной неожиданностью. Тогда она еще не была «сестрой братьев Гадюки-

РОК — ЭТО СОСТОЯНИЕ ДУШИ

ных» и пела песни на слова лидера этой известной львовской группы Сергея Кузьминского под фонограмму «минус один». Потом она отеклась от этого родства, потому что уж слишком разными дорогами они пошли: БРАТЬЯ — в традиционный, немного халаяный ритм-энд-блюз, Вика — в гораздо более интересные эксперименты.

* * *

— Вика, как все начиналось? Ты обычно рассказываешь про арию Марии Магдалины на выпускном вечере, про Сюзи Куатро на дискотеках...

— Было, было...

— А вот именно такая Вика как началась? Как ты нашла свой образ? Первый шаг? Первая песня?

— Как тебе сказать... ВВ где-то увиденные, ГАДЮКИНЫ, которых я слышала — это сыграло свою роль немалую... весь этот стиль. Ну, Хаген я давно слушала. А начиналось все с двух песен — «Шахтарські буги» и «Ганьба». Это Кузины тексты.

— А вы не собираетесь больше работать вместе с ГАДЮКИНЫМИ?

— Нет, иногда мы встречаемся, мы в прекрасных отношениях. Просто, видишь, судьба уже как-то раскидала, они там работают, мы там...

— Сейчас музыкально кто-то на тебя влияет?

— Сейчас, пожалуй, нет. Уже после РУТЫ я в общем-то приходила к своему, уже и свои песни, тексты, и в музыке.

— А впечатления от чужой музыки, какие-то открытия у тебя были? Авторитеты для тебя кроме Хаген?

— DEAD KENNEDYS, THE RESIDENTS — то, что мне нравится слушать, то, что меня приколело.

* * *

Попытки обозначить ее стиль как-то одним ловким термином не приводят к желаемым результатам. Фолк, поп, панк, фанк, ретро в различных пропорциях и комбинациях. От выпущенной фирмой «Кобза» кассеты «Мамо, я дурна» остаются одни впечатления, от живого выступления — другие, от личной беседы — третьи. По-

скольку мне почему-то не хочется говорить про «добротную коммерческую музыку с элементами формального поиска», я бы хотел назвать то, что делает Вика, рок-н-роллом. Дело тут не в гармониях и аранжировках, а в личности солистки. Вика все превращает в рок-н-ролл. На ее концертах с первых же тактов первой песни как бы прорывается плотина и в зал бьют физически ощутимые волны энергии; в казало бы попсовых вещах выявляется такой первобытный рок-н-ролльный гдайв, что трудно усадить на месте. Вика работает с полной самоотдачей, разряжается на сцене, как мощный аккумулятор, до нуля — я видел, в каком состоянии она возвращается за кулисы после выступления, все равно, спела ли она три песни или отработала полную программу.

* * *

— Собственное ощущение от выступления — разложи его в энергетiku концерта. Как у тебя все это происходит, когда ты заводись, когда обламываешься?

— Ну, это очень сложно... Никогда не могу ничего предвидеть.

— Импровизация?

— Я думаю, что да. Чисто в эмоциональном плане. Я за две секунды до выхода на сцену жутко хочу спать, мне кажется, что я сейчас не смогу ни рукой, ни ногой пошевелить вообще. Минута — и я буду спать мертвецки. Потом я выхожу, и, что-то происходит, я не могу сказать, что.

— Каждый раз?

— Происходит — каждый раз.

* * *

Она несет в себе некий конфликт, некий диссонанс — в имидже, в музыке, даже в собственной популярности («Певца года-89», «Разочарование года-90»). И радикальная «Ганьба», которая благодаря ее таланту и искренности не стала политической агиткой, и полностью свободная от любых реалий «Намалюй мені ніч» отмечены этим конфликтом, внутренним столкновением разных эмоциональных красок. Самый яркий пример — уникальные в своем роде «Соромички коломийки», где за каждым сочным украинским черверостишем идет жестяной немецкий дубликат. Это, ясное дело, всего лишь перевод с тем же содержанием, но чужая фонетика вместе с собственными стереотипами восприятия языка превращают простые нескромные вирши во что-то жутковатое; ускоряется темп, исчезает с лица веселая мимика, слова уже не пропеваются, а выстреливаются почти без выражения, и только сосредоточенный танец в больших и тяжелых ботинках, быстрее и быстрее... Концептуальная вещь. Жаль, что биопол не фиксируется на магнитной ленте, и тем, кто знает Вику лишь при помощи средств массовой информации, мои восторги могут показаться несколько преувеличенными. Кроме того, на ее студийных записях всегда маловато гитары и многовато синтетического клавишного

подпрыгивания. Плохо передает запись и ту нечастую на нашей сцене доброжелательную народную сексуальность некоторых песен Вики («Шахтарські буги», «Не треба», «Стьопа»), которая на фоне кастрированных «Дней рождения Наташі» и циничных «Пожись, мы будем делать любовь» шедевров украинского попса — выглядит очень выигрышно и здорово.

* * *

— Вика, а как тебя принимали в Канаде?

— Хорошо. Самые классные выступления были в таких ночных клубах. На украинской диаспоре — это одно, понимаешь, для них это было дивно, для тех украинцев, которые там живут. Они вообще считают, что женщины у нас тут в веночках ходят, у них есть свои определенные критерии. Они были ошарашены. А вот на англоязычной публике себя проверить интересно было, на молодяке, на тех людях. Негры там тащились...

— Если взять по календарю ты пренадлежишь к первому поколению наших рокеров...

— Вообще да.

— А вот по самоощущению к кому ты себя относишь?

— Иногда мне кажется, что я жутко древняя, иногда — что мне вообще лет восемнадцать.

— Нынешние тинэйджеры (да у тебя самой, я знаю, сын подходит к этому возрасту): часто на концертах ты с ним одно целое. А в чем разница?

— Разница большая. У них нет еще той информации, которая уже здесь давным-давно. Хотелось бы, чтобы они обладали такой же информацией. Но это невозможно... Мы тоже в свое время не могли иметь того запаса, который имеют люди конца 60-х — начала 70-х годов.

— Но раньше, по-моему, стремились больше.

— Да, безусловно. Стремилась что-то делать, стремились самовыразиться, во всяком случае, сказать что-то свое. Больше раздумий над чем-то было.

— Вика, можно много говорить о том, что музыка бывает только плохая, либо только хорошая, что главное — профессионализм, что не надо ярлыков — и все-таки, рок, как идея, он жив?

— Думаю, да. Все-таки думаю, что да. Я видела людей на улице, я видела настоящих рокеров, старых, клевых. Есть они.

— Тогда попробуй, определи, что такое — рок?

— Ну, не знаю... Состояние души, наверно.

— А ты — роковый человек?

— Думаю, что да. Причем, уверена. Это сила моя, понимаешь? Я это знаю.

Дмитрий Иванишен
(г. Хмельницкий)

Фото автора

Материал предоставлен автором, на русском языке публикуется впервые.